

Мы мирные люди?

Появлению орудий труда мы обязаны нашему большому пальцу. Он у нас не просто противостоит всем остальным пальцам (это есть и у обезьян), но он самый-самый противостоящий. Мы можем сблизить большой палец с остальными так плотно, что эта хватка позволяет нашей руке удерживать между пальцами самые разные и разной величины предметы. Эта анатомическая особенность сыграла решающую роль в способности изготавливать первые орудия. Ни одна обезьяна, даже наш предшественник-австралопитек, не способна была удерживать большим и указательным пальцами один камень таким прочным образом, чтобы, ударив об него другим камнем, который она держит в другой руке, отколоть от первого камня отщеп, из чего затем можно было бы сделать простейший каменный скребок. А наши древнейшие предки уже могли так держать. Ибо, как говорит археология, именно такие скребки и были, по всей видимости, одними из первых орудий, которые создал человек. Потому что

археологи находят их среди самых древних из найденных до сих пор человеческих орудий — так называемых олдовайских (по названию Олдовайского ущелья в Танзании, где археологи из знаменитого рода Лики и другие за последние 80 лет раскопали кости и орудия многих древнейших гоминидов и их предшественников-австралопитеков). Возраст этих орудий определен в 2,6 миллиона лет. Тогдашние гоминиды получили у антропологов название Гомо хабилис, или Человек умелый, именно за то, что они первыми начали изготавливать каменные орудия самого широкого назначения.

Чаще всего это были орудия для удара, каменные колуны, и вот такие отщепы для соскребывания, каменные скребки. А когда человек совсем уже поднялся на ноги и начал расселяться из Африки по белу свету, он первым делом усовершенствовал именно эти орудия: грубые колуны превратились у него в относительно «изящные» каменные топоры. Эти орудия называются уже иначе — они

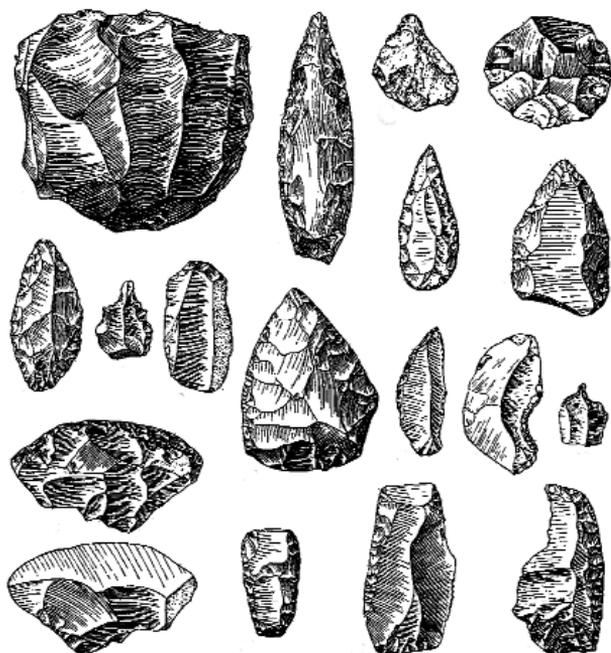
носят имя ашельских по названию того места в Амьене (Франция), где их впервые нашли. Но впервые их стали изготавливать не в Европе, конечно, а в той же Африке, где вблизи озера Туркана в Кении были найдены самые древние топоры, возрастом 1,76 миллиона лет. Жившие тогда в Африке гоминиды (сменившие Гомо хабилиса) называются по-научному Гомо эргастер, что означает Человек рабочий (именно за количество оставленных им ашельских топоров и других орудий), он же «ранний Гомо эректус», то есть ранний предшественник Гомо эректуса, или Человека прямоходящего (настоящий Гомо эректус, живший чуть позже, ходил уже так основательно, что расселился не только по всей Восточной Африке, но и вышел из нее на просторы планеты вместе со своими топорами и скребками. Отсюда они и распространились по всей Азии и Европе).

Итак, среди самых первых орудий, которые сделали человека человеком, одно из главных мест занимали орудия свежевания, а потом и убийства животных. По мнению специалистов-антропологов, уже олдовайские скребки предназначались, в основном, для отдиранья остатков мяса от шкуры и костей тех, убитых хищниками, животных, которых наши предки находили в африканской саванне. Ведь наши предки, чего греха таить, на первых порах были чем-то вроде двуногих гиен — они выбирались из чащи леса в саванну, бродили по ней в поисках падали, оставленной крупными хищниками, и обдирали с нее драгоценные мясные волокна. Многие ученые считают, что именно эта, первая в их жизни, белковая пища (которую они позднее научились

вдобавок жарить на огне) так приглянулась им по вкусу, что постепенно стала их основной, и именно это позволило им в ходе дальнейшего развития быстро обогнать обезьян и австралопитеков в подъеме по эволюционной лестнице. И можно с достаточным основанием думать, что именно растущая потребность в мясе (ставшем основной пищей) была главным стимулом совершенствования человеческих орудий — от первых олдовайских, пассивного назначения скребков, до «изящных» ашельских, охотничьего назначения, каменных топоров.

До появления первых гоминидов их предшественники — австралопитеки питались тем же, что и нынешние обезьяны — фруктами, семенами, орехами (кстати, первые «колуны» возникли, скорее всего, из потребности раскалывать орехи; не случайно и обезьяны пользуются для этого камнями). То было время — 3,5–3,0 миллиона лет назад, — когда в Африке безраздельно господствовали крупные хищники — саблезубые кошачьи, гигантские гиены и

Ашельские скребки

озерные выдры величиной с медведей (потомки таких выдр, длиной до 1,8 метра до сих пор живут в Южной Америке). Откуда известно, что они там господствовали? Этот вопрос стал недавно предметом специального исследования. Изучая кости 29 видов древних больших хищников, некогда населявших Восточную Африку, ученые пришли к выводу, что пик численности этих животных имел место примерно 3,5 миллиона лет назад. После этого начался неуклонный спад. При этом спад был не только в суммарном количестве самих животных. Исследователи проследили также, как менялось разнообразие видов этих хищников и разнообразие их пищи (для этого изучался характер истирания зубов всех этих животных). Эти детали показали, что число всеядных хищников начало спадать уже 2,5 миллиона лет назад и стало четко выраженным 2,0 миллиона лет назад. К этому времени в Восточной Африке остались лишь такие крупные хищники, которые, можно сказать, «специализировались» исключительно на свежем красном мясе. Но 1,5 миллиона лет назад и их поголовье начало заметно уменьшаться. К настоящему времени численность всех хищников Восточной Африки составляет всего одну сотую того, что было 3,5 миллиона лет назад, во времена их «пика».

Ранее считалось, что основную роль в этом изменении численности африканских хищников сыграли климатические перемены. Действительно, сегодня известно, что 3 миллиона лет назад в Африке началось похолодание, которое кончилось около одного миллиона лет назад, сменившись нынешней климатической картиной. В это время огромные территории тропических лесов уступили место саванне, и такое изменение экологических ниш, несомненно, могло сказаться и на численности хищников и на разнообразии их видов и диеты. Но данные, о которых говорилось выше, не совпадают с этими хронологическими границами. И напротив, они очень чет-

ко совпадают с датами выхода на «охотничью стезю» наших далеких предков, вооруженных сначала оловянными колунами и скребками, а потом ашельскими топорами. Большие хищники не выдержали конкуренции с этими охотниками и были попросту вытеснены ими в ходе «борьбы за мясо».

Разумеется, не все специалисты согласны с этим выводом. Критики указывают, что численность первых гоминидов даже во времена Гомо эректуса вряд ли была такой значительной, чтобы составить существенную — не говоря уже об опасной — конкуренцию крупным хищникам. Необходимо, говорят критики, проверить, как выглядела эволюция тех же хищников в те же времена, скажем, в соседней Южной Африке. Все это верно. Но, с другой стороны, можно напомнить еще кое-какие цифры. Хотя нельзя и в Америке исключить влияния климатических изменений, но какой-то подозрительный параллелизм наблюдается и здесь: с того момента, когда 15 или более тысяч лет назад наши предки впервые проникли в Северную Америку, и до нынешних дней там исчезло свыше 70% всех крупных млекопитающих. И, кстати, аналогично обстояло дело в Южной Америке. А в процессе «освоения» людьми островов Тихого океана (то есть в период между 3500 и 700 лет назад) там исчезли более тысяч видов местных птиц. И всего 2500 лет назад, когда люди впервые ступили на землю Мадагаскара, на этом острове кишмя кишела крупная живность; а сегодня ее там практически нет. И зачем ходить далеко: экологи уже сегодня предостерегают, что скорость исчезновения биологических видов на Земле в 100 раз (!) выше, чем в прежние столетия, так что вполне возможно, что мы вступили в начало шестой в истории Земли глобальной биологической катастрофы — и нет, увы, астероида, чтобы на него все свалить.

Так, может, не совсем все-таки правильно поется в песенке, что «мы мирные люди», а?